

Арсений ГОНЧУКОВ

Родился в 1979 году в Горьком. Окончил Нижегородский университет по специальности «филология» и Школу кино при Высшей школе экономики (мастерская игрового кино А. Фенченко) в Москве.

Работал водителем, дворником, фотокорреспондентом; репортером, ведущим новостей, автором и шеф-редактором телепрограмм, замдиректора отдела новостей на телевидении (ТК «Волга», ГТРК «Русь»); вторым режиссером многосерийного художественного фильма «Синдром дракона» («Первый канал»); корреспондентом в горячих точках. Автор сценариев, режиссер-постановщик и продюсер полнометражных художественных фильмов, а также первого в России веб-сериала «Район тьмы». Лауреат сценарных и драматургических конкурсов.

Рассказы, стихи, пьесы и эссе публиковались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Воздух», «Новый берег», «Искусство кино», «Современная драматургия», в «Литературной газете» и других изданиях. Автор двух книг: «Как снять кино без денег» (Эксмо, 2019), выдержавшей два тиража, и поэтического сборника «Отчаянное рождество» (2003). обладатель специального приза литературной премии «MyPrize». Живет в Москве.

СМОТРИТЕ, ЭТО УХАНЬ

Смотрите, это Ухань. Город в центре Китая. Ничего особенного, город как город, в меру красивый, в меру богатый. Густонаселенный, здесь живут двенадцать миллионов человек, как в Москве. Ухань, конечно, не столица, но все здесь есть. И достопримечательности: похожая на сложенные штабелями индейские лодки Башня белого журавля. И озера с мутноватой, под малахит, светло-зеленой водой, поросшие по краям водных залысин редкой стыдливой травкой. Небоскребы есть, отливающие, как солнечные очки, синей сталью слепых многосерийных окон. Бедные районы тоже имеются: там обшарпанные столбы, о которые трутся машины, там тротуары составлены из кусочков, как из ломаного печенья, там плесень на отсыревших подпалинах стен домов, там летает мусор, пакеты, драные вафельные коробки, цепляясь за колеса пыльных ящеров-мопедов, а если свернуть в переулок, где небо перетянато многоязычными лианами черных, толстых и тонких проводов, то чтобы пропустить велосипедиста – не растеряйтесь – там нужно повернуться боком.

В центре города, неподалеку от вокзала Ханькоу, раскинулся продуктовый рынок, и запах обозначает его лучше любой геолокации. Снару-

жи ничего интересного: синий забор с голубыми столбами, синий же козырек у стены двухэтажного здания грязно-бежевого цвета, где внутри когда-то лентами убегали в перспективу пестрые наклонные лотки с настолько разнообразной снедью – еще недавно летавшей, бегавшей, ползавшей, плававшей – что, если задаться целью выяснить поименно всех живых существ, продающихся здесь, придется взять с собой полную энциклопедию животного мира. Конечно, никто так утруждаться не станет, а потому не исключено, что в недрах рынка прячутся один-два неизвестных науке вида. Впрочем, сейчас рынок закрыт.

Из центра Ухани движемся на окраину. У широкой трассы, прямо как в некоторых местах на МКАДе в Москве, сидят люди в ожидании работы. Видимо, сюда приезжают рекрутеры набирать бригады, но кого, куда? На желтых, зеленых, бело-синих ведерках из-под строительных смесей, красок и мастик сидят по большей части среднего возраста женщины в джинсах, пестрых трикотажных штанах, в белых, черных, красных, лиловых футболках. Кто-то сидит в телефоне, кто-то смотрит на тех, кто сидит в телефоне. На балконе в доме за ними развешаны огромные белые, наверно стариковские, штаны, бледно-зеленое покрывало, верх которого уже подсох, но вода скопилась по нижнему краю. Под домом на неряшливой придорожной витрине человеческих услуг в разных позах сидят мужчины. Они будто спрятались за женщинами, их меньше, но они заметны: вот у одного скрещенные руки удобно лежат на животе, а на голове красным клювом торчит бейсболка, другой сидит на ведерке, как огромное насекомое расставив в стороны худые в серых трико ноги, а рядом, свернув набок круглый нос колеса, стоит его гордость – глубокого рубинового цвета забрызганный грязью мопед с набитой разноцветными тряпками балкончиком-корзинкой на руле.

Центральные дороги в Ухани хороши даже в плохих районах: желтая разметка, почему-то кажущаяся американизмом, жирное крупное зерно асфальта, напоминающее покрытие в Москве. Велосипедов на улицах действительно много, их насекомая, хрупкая, остро блестящая мелочь сверкает на солнце, грудится металлической путаницей вдоль дорог. Это Азия. Мопедно-велосипедный мир. Забавно, что почти весь легкий транспорт одних и тех же цветов – небесно-голубого, почти бирюзового, сочного желтого, кукурузного, красный, синий и белый тоже встречаются, но реже. Замечаю, что излюбленный цвет зданий, не небоскребов, а жилых оштукатуренных домов, а также балконов, заборов, административных построек – как бы его точнее схватить – грязно-бежевый, светло-коричневый, глинистый с легчайшим оттенком красного. Возможно, как в Советском Союзе все подряд красили в зеленое, потому что краску такую для оборонки выпускали с запасом, так и тут, как вариант, в окрестностях много глины, краска выходит дешевой, и вот, город имеет собственный цвет. Который, к слову, глазу приятен.

Покидаем быстро бегущий, стремительный широкий центр и теряемся в одном из уютных кармашков безразмерного города. Здесь, на тенистых под пышными шапками листьев улочках янтарно-призывно светятся забегаловки с огромными жирными цветками иероглифов на вывесках, одинаковых для незнающего языка. Разноцветные иероглифы, как жуки разных видов, сидят рядком на лбах кафешек, а внизу застыли змеи пестрых очередей и внимательные китайцы стоят за лапшой, погруженной в темный бульон, из которого торчат бело-зеленые спинки побегов молодого лука. Впрочем, чего только не выловишь гимнастками-палочками из болотца соевого бульона или, если это удон,

чего только не раскопаешь в морепродуктах и овощах, густо покрытых, как карамелью, ароматным соусом терияки.

Запах мяса и пряностей. Здесь и остановимся. Тем более вечерет. Четыре освещенных кафешки в ряд. Первая слева, к нам ближе всего, без дверей, с широким проходом внутрь, где стоят баки и котлы и, наверное, плита с открытым огнем для вока. Прямо же перед нами, на переднем плане, на широком темно-сером тротуаре, несколько разноцветных (коричневый, голубой, белый) столиков для тех, кто хочет поужинать тут же, сесть с друзьями, глотнуть пива под горячую щекочущую лапшичку или пристроиться рядом с незнакомым человеком, улыбнувшись, поздоровавшись и затем стараясь не смотреть в его тарелку. На столах круглые одноразовые супницы с красными боками и желтыми кляксами иероглифов или белые с синими надписями, зеленые башенки рисового пива, лимонад, приодетый во что-то стеклянное, желтое, – кафешек несколько, все берут разное. Около столов зеленые и красные, штампованные, по форме – четырехгранные усеченные конусы – табуретки, на которых сидеть низко, но на перекус сгодится. Тут же лежат какие-то рюкзаки и сумки, и ближе к дороге стоят мопеды, понунив безобидные рога с циклопными белесыми глазами спидометров между ними.

Бросается в глаза, что полных людей за столами немного, ну разве что вот этот мужчина, сидящий ко мне боком, в бело-фиолетовой в мелкую горизонтальную полоску футболке, он прямо держит перед собой руку, доставая сомкнутыми палочками пук лапши из тарелки, и сейчас отправит это захваченное горячее калорийное в объемистый бочонок живота, перетянутый снизу ремнем, от которого к вечеру на коже остается лиловый следок. Лицо мужика закрыто лаптем зеркала мопеда, стоящего между нами, и в зеркале отражается припаркованный у дороги справа белый бок чисто вымытого кроссовера.

Слышу, как вьется над столиками неспешная, юркая, переливчатая, как блестящая ленточка на ветру, мелодичная китайская речь: мяу-тау-цау-яу-мяу-хау – и так до бесконечности. То ли звук старого радио, когда ищут нужную частоту, то ли музыка извивающейся пилы, то ли дерганье маленькой, никак не рвущейся резинки – не поймешь, и когда впервые слышишь китайский язык, не веришь, что им можно передавать информацию.

Напротив полного полосатого с зеркалом вместо лица парня, тянущего палочками из болотца травяную кочку лапши, уселся, выпятив зад и уткнув локоть в колено, мужчина лет тридцати. Он в белой футболке и в белых, как будто снежных, с заметными на свету неровностями джинсах. Он тоже держит в руке палочки и, судя по всему, жует, но мы этого не видим: он отвернулся, и вместо затылка у него глухое черное пятно, сливающееся со стойкой кухни кафе на заднем плане. Теперь посмотрим на соседний столик, чуть правее по кадру и глубже по перспективе, за ним сидят четверо – резко обернувшаяся к дороге, вскинувшая от неожиданности брови и приоткрывшая рот молодая круглолицая женщина в черном платье с открытыми пухлыми плечами, по ее спине диагонально тянется ляпка сумки, видимо, лежащей на коленях. В глубине, слева от нее, лысый с шарообразной головой мужчина в небесно-голубой футболке, он смотрит на затылок отвернувшейся женщины, одновременно, судя по искривленному рту, напряженно вытаскивая языком застрявшую в зубах пищу. Справа, боком и спиной к нам, сидит высокий и потому неудобно сложенный и тоже уткнувшийся в колено локоть мужчина с темной густой шевелюрой, рядом с которым, по квадра-

ту стола, значит, напротив женщины, – притулился маленький пожилой человек в очках с толстой нынче модной черной оправой (как роговая оправа в Советах шестидесятых), у него тоже густые черные волосы, но на макушке, еле заметно с такого расстояния, притаился и поблескивает тонкий островок проплешинки. Чуть правее и глубже за ними еще один стол, из-за которого тюленем торчит и смотрит в нашу сторону одинокий полноватый очкастый мужчина в широкой оранжевой майке. Он поджал губы, как будто мы стоим у доски, а он, строгий учитель, видит, что уравнение решено неправильно. Рядом с ним и за ним справа стоит новенький мотороллер, бело-бежевый, гордый, изящный, как водоплавающая птица с сильной и гладкой шеей. За ним, за оранжевым, еще один столик, где уселась зрелая пара – мужчина в желтом, женщина в черном, а между ними, кажется, девушка с ребенком на руках. Их уже плохо видно с нашей точки, вдалеке люди превращаются в месиво красок и тел, в пестрое нагромождение цветных комьев. Дальше кафе и кафе, очереди, тротуары, столики, люди – ты это не столько видишь, сколько знаешь, а видишь совсем неразборчивый винегрет.

Желтый золотистый огонь кафешек горит, пышет, стекает с потолков, разливаясь по асфальту, все ярче с наступлением вечера окрашивая стволы караулящих у дороги деревьев. Вечер заостряет краски, проливает фиолетовыми тенями углы, бордюры, отсыревшие стены кафе... А наверху все сильнее отпечатываются в воздухе иероглифы горящих вывесок, и у меня даже предположений нет, какие могут быть у этих кафе названия.

Смотрите, это Ухань. Здесь зародился, отсюда вышел вирус, охвативший всю планету. Вирус, от которого умерли миллионы... А сколько еще умрет... Я все утро сижу перед ноутбуком и смотрю на случайную фотографию, сделанную на неизвестной улочке города Ухань, и все вглядываюсь, вглядываюсь, рассматриваю...

Мне то и дело кажется, что я напрягусь и вот-вот увижу человека, который начал все это – эпидемию, заражение всей планеты. Не знаю, поймал и убил ту самую злополучную летучую мышь, или купил и отведать ее на рынке, или, чего тоже никто на данный момент не исключает, уронил пробирку в секретной лаборатории по разработке биологического оружия. Хотя, говорят, для заражения там хватает, даже если человек просто снял от усталости маску и один раз вдохнул... Кто он? Где он? Как его зовут, как он выглядит, этот человек, нулевой пациент, губитель мира, этот, простите, самый массовый убийца после Гитлера?

Может быть, он умер. А может, стоит вон там, в очереди, перед чанами и сковородками. Или сидит за столиком, и это наш фиолетовый мужик с животиком. А может быть, напротив него, в белом? Или лысый в голубом? Или рослый, или плешивый за столиком с женщиной... Или женщина, что обернулась к дороге и приоткрыла рот. Может, она боится чего-то, подозревает? Или оранжевый тюлень с требовательно поджатой губой. Или он где-то за ним, вон там, на аллее чуть дальше, покупает мороженое...

Или, может быть, этот первый начавший катастрофу, нажавший опаснейшую скрытую кнопку мира, ударивший молоточком в ту самую точку концентрации напряжений, которая, как говорят, есть у любого самого прочного стекла, и оно разлетелось вдребезги – может быть, он сидит за рулем белой, отразившейся в зеркале-лице фиолетового толстяка, машины?

Или, может быть, он держит фотоаппарат и делает это фото.